

А.Н.Поддьяков

КОМПЛИКОЛОГИЯ

создание
развивающих,
диагностирующих
и деструктивных
трудностей

Александр Поддьяков

**Комплекология. Создание
развивающих, диагностирующих
и деструктивных трудностей**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2014

Поддьяков А. Н.

Компликология. Создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей / А. Н. Поддьяков — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2014

ISBN 978-5-7598-1088-9

Подавляющее число психологических исследований сосредоточено на том, как люди решают задачи и справляются с проблемами и трудностями, но не на том, как и зачем они их создают. А ведь то, как конкретный человек справляется с проблемами и каковы вообще возможные пути совладания с ними, в значительной степени зависит от существа, природы этих трудностей, в том числе от того, как и с какими целями данные трудности и проблемы созданы. В книге рассматриваются особенности происхождения и осуществления деятельности по созданию трудностей и проблем. Подробно обсуждаются три основных типа трудностей, которые люди создают друг для друга: деструктивные трудности, нацеленные на нанесение ущерба (в условиях жесткого противоборства и конкуренции); конструктивные трудности, нацеленные на помощь в развитии другого субъекта (например, обучающие трудности в разных областях); диагностирующие трудности, предназначенные для исследования возможностей другого субъекта (тесты, контрольные задания, неформальные испытания и т. д.). Предлагается новое исследовательское поле – компликология: изучение создания трудностей, их целей, особенностей осуществления, ответных реакций на них и особенностей совладания с ними. Для психологов, социологов, педагогов и специалистов смежных областей.

ISBN 978-5-7598-1088-9

© Подьяков А. Н., 2014
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2014

Содержание

Введение	7
1. Создание трудностей как область исследования	9
2. Управление трудностями	10
3. Гипотеза о последовательности типов создания трудностей и их отражении в психике и сознании	11
4. Биологическая эволюция создания трудностей	13
5. Деструктивные трудности в человеческой деятельности	18
5.1. Цели создания	18
5.2. Эгоистическое создание трудностей	19
5.3. Альтер-альтруистическое создание трудностей	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Поддьяков
Компликология. Создание
развивающих, диагностирующих
и деструктивных трудностей

Рекомендовано Редакционно-издательским советом факультета психологии НИУ ВШЭ.

Введение

Борьба с трудностями имеет давнюю историю – продолжительностью в эволюцию жизни на Земле. И по мере развития живых существ все больший удельный вес в этой борьбе приобретали трудности,¹ преднамеренно создаваемые одними субъектами для других. У человека изобретение трудностей и проблем для других становится весьма сложной и дифференцированной деятельностью, преследующей различные – вплоть до прямо противоположных – цели и использующей разные средства.

Сразу сделаем важное пояснение. Одной из наиболее очевидных целей постановки трудной проблемы перед другим человеком является решение этой проблемы. Например, группе конструкторов дают трудное или даже сверхтрудное задание разработать новое оружие, разведчиков посылают за линию фронта добыть «языка», научный руководитель ставит задачу членам своей исследовательской группы и т. д. Однако в этих случаях, хотя исполнителя и ставят перед трудной задачей, постановщик вовсе не занимается ее преднамеренным усложнением для исполнителей. Напротив, если есть возможность упростить путь к намеченному результату, он с готовностью на это согласится (это, например, особенно очевидно в случае необходимости быстрой разработки более эффективного оружия). Мы же в данной работе будем рассматривать такую деятельность субъекта, одна из основных характеристик которой – именно целенаправленное усложнение ситуации для другого субъекта, создание затруднений в его деятельности.

Итак, обратимся к целям преднамеренного создания трудностей.

Эти цели могут быть деструктивными, связанными с преднамеренным нанесением ущерба тому, для кого создают трудности. Вспомним сказки, где государь или иной начальник дает невыполнимые задания слуге («Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»), чтобы сжить его со света, а также многочисленные реальные жизненные ситуации взаимодействия начальника и подчиненного, аналогичные этой сказке.

Цели создания трудностей могут быть также и абсолютно конструктивными, позитивными, направленными на развитие того, для кого эти трудности разрабатываются, будь то руководство физическими тренировками спортсмена, написание задачник повышенной трудности по разным предметам, разработка систем проблемного обучения школьников и студентов и т. п.

Также цели могут быть исследовательскими, диагностическими: узнать, как тот или иной субъект (конкретный человек, определенная возрастная группа, представитель другого биологического вида) справляется с различными трудностями, решает разного рода задачи.

Особое место среди целей занимает разработка игровых трудностей и задач, ведущая свое начало с древности и питающая в настоящее время бурно растущую индустрию компьютерных игр, ТВ-шоу, конкурсов, интеллектуальных и спортивных игр.

Уже из этого перечисления можно увидеть, что создание трудностей, изобретение задач и проблем для других субъектов – это очень важная часть творческой и интеллектуальной деятельности людей в самых разных областях практики, науки, досуга.

Для того, кто создает трудности, их разработка выступает зачастую как сложная творческая задача. Поэтому имеет смысл говорить о *творческих способностях, одаренности и таланте в области изобретения проблем, задач, трудностей, предназначенных для других людей*. Здесь требуются высокий уровень интеллекта, хитрости и даже провокационности. Например, В. В. Набоков так писал о придумывании шахматных задач: «Следует понимать,

¹ Понятие «трудность» не является научным, поэтому мы будем пользоваться его определениями в словарях русского языка. Трудность определяется как препятствие, помеха, преодоление которой требует труда, напряжения, усилий.

что соревнование в шахматных задачах происходит не между белыми и черными, а между составителем и воображаемым разгадчиком... а потому значительная часть ценности задачи зависит от числа “иллюзорных решений” – обманчиво сильных первых ходов, ложных следов, нарочитых линий развития, хитро и любовно приготовленных автором, чтобы сбить будущего разгадчика с пути» [Набоков, 1999, с. 567–568]. Создатель проблемных ситуаций готовит трудности «хитро и любовно»!

Но интересно, что при этом огромное число психологических исследований сосредоточено только на том, как люди решают задачи и справляются с проблемами и трудностями, но не на том, как и зачем они их создают. Существует мощное направление психологии мышления – решение проблем (problem solving), в котором изучается, как люди решают задачи и проблемы. Публикуются многочисленные статьи и монографии по искусству решения задач и проблем, издаются соответствующие журналы (например, «The Journal of Problem Solving», «Math Problem Solving Journal» и др.), проводятся международные конференции. Выделена даже целая область – проблемология (problemology), в которой разрабатываются и изучаются теории задач и процессов их решения [Фридман, 2009; Человек и вычислительная техника, 1971; Aronopoulos, 1995; François]. Несоизмеримо меньше работ по анализу создания задач и проблем.

Аналогично если перейти от когнитивной психологии к психологии личности, то в последней также имеется множество работ, посвященных тому, как люди справляются с жизненными трудностями и проблемами (coping behavior), но тоже удивительно непропорционально мало исследований того, как одни люди создают те или иные трудности и проблемы для других.

А ведь то, как конкретный человек справляется с проблемами и, шире, каковы вообще возможные пути совладания с ними, в значительной мере зависит от существа, природы этих трудностей, в том числе от того, как и с какими целями данные трудности и проблемы созданы.

Отчасти пробелы в изучении преднамеренного создания трудностей восполняют:

а) в области конструктивных трудностей – психолого-педагогические работы по развитию личности и мышления в ходе преодоления человеком различного рода барьеров и препятствий;

б) в области деструктивных трудностей – работы по конфликтологии, стратагемному мышлению, макиавеллистским стратегиям, психологии совершения зла и нанесения ущерба (evil-doing, harm-doing, doing damage);

в) в области диагностирующих трудностей – теоретические и практические работы по конструированию тестовых заданий заданной трудности (например, нарастающей строго определенным образом) и т. п.

Однако задача переосмысления и объединения этих подходов в целостную систему не ставилась – как и вытекающие задачи формулирования положений этой системы, исследования в ней места перечисленных и других подходов, возможностей конструирования новых подходов и т. д.

Цель данной работы – начать заполнение этого пробела. Опишем используемые понятия.

1. Создание трудностей как область исследования

В качестве рабочего термина, обозначающего область изучения преднамеренного создания трудностей и проблем, мы предлагаем понятие, производное от латинского *complicatum* («осложненное», «путанное», «туманное»), послужившее основой для глаголов со значением «усложнять», «запутывать» в различных языках: *complicate* (*англ.*), *complicuer* (*фр.*), *complicare* (*итал.*), *complicar* (*исп.*), *komplizieren* (*нем.*). Соответственно мы предлагаем термин «компликология» (*complicology*) [Поддьяков, 2011]. Компликология как область исследования создания трудностей, проблем, задач является естественным и, на наш взгляд, необходимым дополнением к области исследования разрешения трудностей и проблем.

Можно грубо подразделить компликологию на три основные части в соответствии с вышеописанными целями создаваемых трудностей.

1. Предмет позитивной, или конструктивной, компликологии – конструктивные трудности, создаваемые с позитивными целями по отношению к тому, кому их предстоит преодолеть.

2. Предмет негативной, или деструктивной, компликологии – деструктивные трудности, создаваемые с негативными целями по отношению к тому, кому их предстоит преодолевать.

3. Диагностическая компликология занимается трудностями, создаваемыми с целью диагностики и контроля того, какие трудности может преодолеть тот или иной субъект. Сюда входят трудности в тестах на мышление; в контрольно-измерительных материалах для учащихся по тем или иным предметам; трудности, используемые при оценке квалификации человека при приеме на работу; трудности для диагностики уровня физического развития человека (различные спортивные нормативы); некоторые медицинские испытания и т. д.

Границы между этими областями не жесткие, поскольку в реальной жизни создание трудностей с деструктивными целями по отношению к одному субъекту может быть тесно связано с организацией позитивных, развивающих трудностей для другого, а диагностика трудностей, с которыми справляется или же не справляется субъект, может быть использована для последующей разработки и конструктивных, и деструктивных трудностей.

В область интересов компликологии входит создание трудностей не только другим субъектам, но и самому себе (цели здесь тоже могут быть самые разнообразные – конструктивные, деструктивные, диагностические, игровые и т. д.). В отечественной психологии эту проблематику плодотворно изучает В. А. Петровский. Он разработал теорию неадаптивной активности человека, в рамках которой исследует такие явления, как стремление к запретной черте, возгонка уровня трудности решаемых задач, риск ради риска и др. [Петровский, 1992; 2010]. Но мы в данной работе будем рассматривать такие трудности, которые одни субъекты создают для других, а не для самого себя.

Существенный вопрос – о различии понятий «трудность» и «сложность». Вслед за другими авторами мы относим понятие «сложность» в большей мере к объективным характеристикам проблемной ситуации, задачи (например, связанным с ее многофакторностью), а понятие «трудность» – к субъективным характеристикам. Так, одна и та же задача определенной сложности может быть в разной степени трудна для двух разных людей в силу имеющихся между ними различий опыта решения, способностей и т. д. Нас интересует создание именно затруднений, влияющих тем или иным образом на успешность деятельности другого субъекта. Но поскольку трудность, хотя и не совпадает со сложностью, часто связана с ней, намеренное создание осложнений как объективных характеристик ситуации мы тоже будем рассматривать в той мере, в какой эти осложнения (усложнения) предназначены для того, чтобы сделать деятельность субъекта более трудной.

2. Управление трудностями

Под управлением трудностями мы будем понимать такую совокупность мер, принимаемых одним субъектом по отношению к другому, которая в зависимости от целей управления может включать:

- создание и наращивание трудностей (помех, проблем и т. п.);
- их уменьшение и ликвидацию.

Преднамеренное создание для субъекта трудностей и «стерильных», «беспроблемных» зон (зон отсутствия сколько-нибудь значимых трудностей) образуют два взаимосвязанных типа социальных управляющих воздействий.

Подчеркнем здесь важное терминологическое различие. В литературе по менеджменту под управлением трудностями и проблемами (*англ.* – *managing difficulties, managing problems, managing complexity*) понимаются такие действия субъекта, которые направлены только в одну, благополучную, сторону – на смягчение последствий уже имеющихся нежелательных проблем и снижение вероятности возникновения новых; на постепенное разрешение проблем в нужной последовательности, ослабляющей их негативное воздействие. Например, длительно болеющему человеку предлагают меры по управлению трудностями, связанными с ограничением его возможностей; для организации разрабатывают меры по управлению сложностями, с которыми она стала сталкиваться в изменившихся условиях, и т. д.

Но в нашем подходе управление трудностями и проблемами понимается более широко и более адекватно содержанию общего понятия «управление». В него включается не только борьба с трудностями, но и их преднамеренное создание, повышение вероятности столкновения с ними и т. п.² Сходным образом под управлением транспортным средством понимают торможение, разгон, маневрирование. Маневрирование трудностями, создаваемыми для другого субъекта, их торможение или же разгон до критических, смертельно опасных величин – наиболее подходящая метафора для анализируемых в данной статье явлений.

² Аналогично следует полностью согласиться с положением Г. В. Грачева и И. К. Мельника, что кризисное управление часто органически включает не только меры по борьбе с кризисом в опекаемой организации, но и меры по созданию кризиса у конкурента [Грачев, Мельник, 1999].

3. Гипотеза о последовательности типов создания трудностей и их отражении в психике и сознании

В качестве рабочей гипотезы мы предлагаем следующие положения.

1. Разные типы создания трудностей изобретались в последовательности, соответствующей минимально необходимым уровням их организации: вначале деструктивные трудности, затем диагностирующие и конструктивные.

2. Рефлексия и последующая нравственная оценка разных типов трудностей развивается в последовательности возникновения этих типов трудностей: прежде всего начинают осознаваться и получают нравственную оценку деструктивные трудности, затем – диагностирующие и конструктивные.³

Раскроем эти положения.

За созданием деструктивных трудностей стоят относительно простая организация того, кто их создает, и относительно простые представления о разрушаемости чего-либо (объекта в целом, его определенной части, происходящих в нем определенных процессов) при внешнем воздействии. Поэтому организация деструктивных трудностей может быть крайне примитивной (она может быть и изошренной, но нижний порог требований к возможности осуществлять такую деятельность весьма невысок).

Представления, лежащие в основе создания конструктивных трудностей, значительно сложнее. За созданием конструктивных трудностей стоят представления о *парадоксальных положительных изменениях* в чем-либо, происходящих в результате тех воздействий, которые при более примитивном взгляде могут быть оценены как разрушительные.

Итак, в основе представлений и о деструктивных, и о конструктивных трудностях лежат представления об *изменяемости* субъекта, который столкнулся с трудностями. Но в случае деструктивных трудностей речь идет о проше вызываемых *негативных изменениях* (деградации, разрушении). В случае создания конструктивных трудностей речь идет об *инициации позитивных изменений, связанных с прогрессивным усложнением, улучшением* и т. д. Это наиболее сложная созидательная деятельность, требующая намного больше энергии (физической, интеллектуальной, духовной).

Создание же диагностирующих трудностей основано на представлениях об устойчивости поведения субъекта, достаточной для того, чтобы информация о том, как он преодолел некую трудность, могла быть обобщена на другие ситуации, на других индивидов этой же группы и т. д. и использована для выводов, как он (или другой индивид этой группы) будет справляться с аналогичными или несколько отличающимися трудностями через какое-то время, в похожих или даже сильно отличающихся ситуациях.

Таким образом, создание деструктивных трудностей основано на представлениях о деградации субъекта под влиянием осуществленных воздействий, создание диагностических трудностей – на представлениях об устойчивости его поведения, создание конструктивных трудностей – на представлениях о его будущих прогрессивных изменениях.

При этом диагностическая «проба трудностями» может быть использована для последующего достижения и *негативных, и позитивных* целей по отношению к тому, кого «опробуют». Соответственно можно полагать следующее.

Исследовательское поведение (диагностика) с целью последующего нанесения ущерба эволюционно возникает раньше, чем диагностика, ориентированная на последующую помощь.

³ Уточним, что некоторые изошренные деструктивные трудности могут возникать значительно позже отдельных более простых конструктивных. Соответственно эти деструктивные трудности и нравственной оценке подвергнутся позже, но мы ведем речь о последовательности первоначального возникновения.

Это связано с тем, что создание деструктивных трудностей возникает раньше создания конструктивных. Соответственно пробы, обслуживающие деструктивные трудности, тоже должны возникать раньше.

Относительно последовательности создания трудностей определенного типа и обслуживающих их проб, можно предполагать следующее. Как показано в исследованиях Н. Н. Поддьякова, в онтогенезе манипулятивные пробующие (ориентировочные) действия возникают из исполнительных. Ребенок пытается осуществить действие с практической целью (например, достать какой-то предмет с помощью орудия), терпит неудачу и, столкнувшись с этой трудностью, перестраивает свою ориентировку в ситуации. Его действия уже не направлены на непосредственное достижение цели, а начинают носить пробующий характер. Их амплитуда и продолжительность становятся меньше, чем у практических исполнительных, и у ребенка возникает внутренняя психологическая готовность принять и удачный, и неудачный результат пробы по преодолению трудности. В случае положительного результата ребенок переходит к исполнительным действиям, в случае отрицательного – продолжает исследование возникшей проблемы [Поддьяков, 1961; 1977].

По аналогии можно предполагать, что и в филогенезе исполнительные действия, создающие деструктивные трудности для другой особи (например, действия, закрепленные в инстинкте), предшествуют действиям более высокого уровня – ориентировочным пробам с последующими деструктивными целями. То же самое можно сказать и о конструктивных трудностях: обслуживающая их диагностика возникает позже практических исполнительских действий.

Итак, развертывая анализируемую последовательность более подробно, можно полагать, что возникновение различных типов создания трудностей происходит в следующем порядке:

- деструктивные трудности;
- диагностирующие трудности, подготавливающие последующее нанесение ущерба;
- конструктивные трудности;
- диагностирующие трудности, подготавливающие последующую помощь.

Можно полагать, что последним возникает создание трудностей с нейтральными, чисто познавательными целями. Здесь субъект, создающий трудности в «чисто исследовательских» целях, еще не определился, каково может быть практическое приложение полученного знания, или же считает саму постановку вопроса о практичности выходящей за рамки своей исследовательской активности.

Рефлексия деятельности по созданию трудностей, выработка нравственного отношения к ним и формулирование соответствующих моральных норм происходят в той же последовательности. Вначале формируются рефлексия, нравственное отношение, моральные нормы, касающиеся создания деструктивных трудностей, затем – конструктивных и диагностирующих.

4. Биологическая эволюция создания трудностей

По отношению к начальному этапу эволюции живых существ нет особого смысла говорить об активном создании ими трудностей друг для друга. Клетки первичного океана, конечно, создавали друг другу объективные трудности, например, конкурируя в борьбе за одни и те же ресурсы (это так называемая пассивная конкуренция) и время от времени поглощая друг друга при непосредственном контакте, но не за счет специально разработанных и организованных для жертвы трудностей. Ведь для их организации нужна и соответственно более высокая организация организмов, еще не достигнутая в тот период. Поэтому на самом раннем этапе филогенеза, видимо, не приходится говорить ни о «целенаправленном»,⁴ пусть и генетически детерминированном, поведении отдельных особей по созданию трудностей для своих соседей, ни о тактике одного вида по отношению к другому, которую можно было бы охарактеризовать как создание трудностей именно для этого другого вида с использованием его уязвимостей.

Но постепенно в ходе эволюции живые организмы пришли к чрезвычайно важному изобретению: можно и целесообразно создавать специфические трудности для других особей своего или чужого вида. Так, «листья некоторых видов растений вырабатывают вещества, которые поступают в почву и подавляют прорастание и рост соседних растений» [Грант, 2008, с. 145]; также некоторые растения вырабатывают вещества, отпугивающие паразитов в момент их нападения и т. д. Число самых разнообразных примеров очень велико.

С психологической точки зрения, нас, естественно, больше интересуют такие трудности, которые связаны с *поведением* животных и их функционированием как существ, обладающих *психикой*. Например, хищники – представители видов с высоким уровнем психической организации – способны целенаправленно отеснять загоняемую жертву с участков местности, где ей передвигаться проще, на участки, где ей передвигаться сложнее, все больше изматывая ее. При этом учитывается вид, к которому принадлежит жертва (того, кто может лазать по деревьям, и того, кто лазать не умеет, но развивает наибольшую скорость на открытой местности, надо загонять на разные участки), ее физические кондиции и психологическое состояние (например, паника или готовность активно и жестко обороняться при сближении).

Другой пример: енот-крабоед, найдя краба, начинает барабанить пальцами по его панцирю. Он быстро отдергивает лапу, если краб переходит в атаку, но когда тот опускает клешни, енот снова принимается барабанить, и так снова и снова. Через какое-то время краб не выдерживает этого «изводящего давления на нервную систему»: он поджимает конечности и перестает реагировать. Тогда енот быстро раскусывает панцирь [Даррелл, 1989].

Среди наиболее интересных примеров создания психологических трудностей для другой особи при конкуренции с ней отметим здесь лишь несколько.

Самцы австралийских шалашников (эти птицы – родственники ворон и соек) строят шалаша из веточек и украшают их различными доступными яркими предметами как площадки для будущего ухаживания. Самка, оценив красоту строения, решает, придет ли она туда для брачных игр. В конкурентной борьбе самцы разрушают шалаша соперников [Гельфанд, 2011; Doerr, 2010]. Следует подчеркнуть, что шалаш – именно место для брачных игр, а не гнездо для выведения птенцов (оно потом строится самкой отдельно). Поэтому разрушение шалаша с его тщательно подобранными и размещенными украшениями в отличие от разрушения гнезда выполняет деструктивную психологическую функцию: лишить соперника специально создан-

⁴ Как показывают А. К. Крылов и Ю. И. Александров, в парадигме активности (а не реактивности) можно и нужно обсуждать целенаправленность поведения даже отдельной клетки, например, нейрона [Крылов, 2012; Крылов, Александров, 2008].

ных им внешних объектов, повышающих его привлекательность, снизить эту привлекательность в глазах потенциальной партнерши.

Если речь идет об отборе добычи у конкурента, высокоорганизованные животные также демонстрируют сложные стратегии, связанные с созданием трудностей и обманом того, у кого эту добычу надо отнять. В городе можно время от времени наблюдать забавную ситуацию. Собака, лежа, грызет что-то, и этой едой начинает интересоваться пара ворон. Одна из них подбирается к лежащей собаке сзади и демонстрирует готовность клонуть ее в хвост, а если удастся, то и действительно клюет. Собака, придерживая кусок, поворачивается, огрызается, ворона отлетает на недалекое, но безопасное расстояние. Собака снова принимается за еду, ворона опять повторяет те же действия, мешая собаке есть и отвлекая ее. Иначе как целенаправленным раздражением это назвать трудно, причем непосредственно к еде эта ворона вроде и не стремится, ее интересует лишь собачий хвост и возможность его клонуть. В конце концов собака срывается и, выпустив добычу, активно бросается на ворону-дразнильщицу, та снова отлетает. Другая ворона без помех подбирает оставленное собакой без присмотра, после чего обе вороны вместе улетают, унося добычу.

Интересно, что «психологические» трудности, т. е. трудности, вызывающие либо сбой программы психического функционирования другого животного, либо специфическое изменение этой программы, способны создавать и живые существа, стоящие ниже на эволюционной лестнице, чем те, для кого трудности созданы и на чью психику тем или иным способом воздействуют. Особый интерес представляют паразиты, меняющие поведенческую программу более высокоорганизованного хозяина в свою пользу и в ущерб хозяину. «Личинки червя-волосатика (*Gordiaceae*), паразитируя в жуке-чернотелке (*Tenebrionidae*), никак не связанном с водой, «направляют» свою жертву на дно ручья, в свою среду обитания, где и покидают хозяина. Жук после этого погибает» [Бенедиктов, 2008, с. 44]. Аналогично стремятся в воду кузнечики, пораженные червем-паразитом *Spiniochordodes tellinii*, поскольку этот паразит размножается в воде, хотя кузнечик там гибнет [Biron et al., 2005]. Плоские черви *Fasciola hepatica*, попав в тело муравья, изменяют его поведение на совершенно ему не свойственное: он залезает на вершину травинки и сидит там часами, значительно повышая вероятность того, что будет съеден рогатым скотом вместе с травой. Это и нужно червю-паразиту: в печени скота он питается и размножается [Длусский, 1967, с. 139–140; Hohorst, Graefe, 1961; Schneider, Hohorst, 1971].

Манипулирование поведением хозяев, осуществляемое паразитами (host manipulation by parasites), представляет важную научную проблему. Целиком ей был посвящен выпуск журнала «Behavioural Processes» (2005. Vol. 68. No. 3); подробный обзор по теме представлен в статье «Паразитическая манипуляция: где мы находимся и куда должны двигаться?» [Thomas et al., 2005].

Один из наиболее поразительных примеров и, возможно, практически значимый для человека – изменение поведения мышей и крыс под влиянием проникшего в их организм паразита *Toxoplasma gondii*. Здоровые мыши и крысы боятся и бегут от кошачьего запаха, поскольку он означает близкое присутствие их смертельного врага. У зараженных паразитом грызунов эта реакция извращается, меняется на противоположную. Они начинают стремиться к местам, где пахнет кошачьей мочой, повышая вероятность встречи с кошкой и попадания в кошачий желудок, где паразит и размножается. Причем паразит действует на поведение грызуна очень точно и избирательно, не ослабляя другие реакции страха и не снижая общую тревожность. Ведь мышь, ставшая бесстрашной, рискует пропасть в других опасных ситуациях, так и не добравшись до кошки – конечной цели *Toxoplasma gondii* [Vyas et al., 2007].

Инфицирование данным паразитом, возможно, изменяет и психологический статус человека, заражающегося от кошек [Flegr, 2007; Flegr et al., 2003; Flegr, Hrdy, 1994; Webster, 2001]. Как предполагается, эти психологические изменения являются побочным следствием химических реакций, запускаемых *Toxoplasma gondii* в нервной системе. Они не связаны с какими-

либо полезными функциями для паразита и не приводят к описанным фатальным последствиям, характерным для зараженных грызунов. Но для человека заражение все равно неприятно: у инфицированных наблюдается некоторое снижение времени реакции, интеллекта и стремления к новизне; несколько более высока вероятность заболевания шизофренией (из-за измененного уровня дофамина). У зараженных мужчин по сравнению с незараженными относительно снижен уровень супер-эго и перфекционизма, они более склонны пренебрегать социальными нормами, более ревнивы и подозрительны. У зараженных женщин уровень супер-эго и перфекционизма, напротив, несколько повышен, они более склонны к морализаторству и демонстрации сердечности.

При этом поскольку прямые экспериментальные исследования здесь невозможны (по этическим соображениям нельзя заразить этой инфекцией группу добровольцев и наблюдать за происходящими психологическими изменениями), то направление причинной связи остается под вопросом – она может быть и противоположно направленной. Возможно, люди, имеющие такие психологические особенности, более склонны к общению с кошками и пренебрежению гигиеническими нормами, что и приводит к заболеванию.

Описанные психологические особенности людей, зараженных *Toxoplasma gondii*, бесполезны для этого паразита. Человек в течение последних тысячелетий почти не входит в меню кошачьих и не может инфицировать их, будучи съеденным. Но замедление скорости психомоторных реакций и снижение уровня интеллекта может быть существенно для обезьян, составляющих важную часть рациона крупных кошачьих в Африке и Азии. В этом случае изменения поведения, вызванные паразитом, полезны для него, и здесь причинная связь между инфицированием и данными изменениями поведения может быть прямой [Lafferty, 2006]. Иначе говоря, затруднения в поведении хозяина в этом случае могут создаваться паразитом «целенаправленно».

Опираясь на массив уже накопленных данных, К. Д. Лафферти расширил контекст изучения данной проблемы и провел статистическое исследование различных человеческих популяций. Его целью была проверка наличия связей между инфицированием *Toxoplasma gondii* и культурными особенностями больших человеческих групп. Он сопоставил данные медицинских исследований о распространенности указанной инфекции в различных регионах (эта распространенность может быть весьма высокой) с данными кросс-культурных исследований психологических особенностей людей, проживающих в этих регионах. По его данным, связи, часто сложно опосредованные, здесь имеются, и их важно учитывать и медикам, и психологам [Ibid.].

В связи с этим и другими аналогичными исследованиями роль паразитов в изменении «психического статуса» и поведения хозяев обсуждается более широко не только применительно к человеку, но и к популяциям различных других высокоорганизованных биологических видов, в том числе и здоровых их представителей. В ходе естественного отбора, направленного на защиту от инфекции, могут изменяться паттерны поведенческих синдромов, «характеры» и «черты личности» представителей высокоорганизованного вида [Barber, Dingemans, 2010].

Обратимся к диагностирующим трудностям. Если деструктивные трудности для других способны создавать даже растения, то диагностирующие пробы, предваряющие последующее нанесение ущерба, осуществляют значительно более высокоорганизованные организмы. Отработывая приемы нападения и изучая возможности потенциальных жертв, проводят пробные атаки молодые особи хищных птиц, например, молодые соколы [Кумбера, 1976]. Известны также пробные атаки акул, осуществляемые после серии кругов вокруг намеченной жертвы: если та оказывает активное сопротивление, акула может прекратить преследование и уйти, в противном случае будет проведена атака со смертельным исходом для жертвы. Осуществляют пробные атаки и другие хищные рыбы, пауки и т. д.

Рассмотрим теперь трудности, создаваемые одними особями для других с целью их спасения и той или иной помощи.

Волк-вожак, обладающий лучшим чутьем и бóльшим опытом, чем другие члены стаи, может забросать нечистотами обнаруженный им искусно замаскированный капкан или выложенную охотником напоказ отравленную приманку, чтобы члены стаи ее не трогали.⁵

Обратимся к более сложным формам помогающего поведения.

Многие (если не все) высшие животные обучают своих детенышей. В этом обучении могут специально создаваться «обучающие трудности». Хищники целенаправленно учат своих детенышей отыскивать добычу, ловить ее и дают возможность в той или иной мере «обжечься» на относительно опасных экземплярах. При этом родитель, как и полагается преподавателю в добротном процессе обучения, может специально подготавливать «учебный материал», регулируя меру трудности задания. Родитель может преднамеренно приводить добычу, служащую для тренировки, в такое состояние, чтобы она не была способна сопротивляться в слишком опасной мере. Тем самым детенышам предоставляются возможности исследовать способы самозащиты этой добычи и отрабатывать свои способы нападения.

Можно сделать вывод, что животные используют как минимум два типа ситуаций помощи посредством создания трудностей:

1) создание таких трудностей для опекаемого, чтобы он не попал в опасную ситуацию, избежал ее, хотя по незнанию и неопытности и стремится туда;

2) создание «обучающих и развивающих» трудностей, чтобы опекаемый, попав в дальнейшем в трудную или опасную ситуацию, мог действовать в ней наиболее эффективно.

Аналогично у животных можно выделить два типа ситуаций создания трудностей с целью нанесения ущерба:

1) создание трудностей жертве, чтобы она с большей вероятностью попала в опасную ситуацию, двинулась в ее направлении;

2) создание трудностей, чтобы жертва, попав в опасную ситуацию, не могла действовать в ней эффективно (запутывание, отвлечение внимания и т. д.).

В свою очередь, жертва использует свои стратегии и приемы создания трудностей для нападающего, в том числе посредством создания опасных для него ситуаций (небольшая птица, сидящая на самом конце ветки, может дразнить сидящую на дереве кошку, чтобы та переместилась на более тонкие и ломкие ветки), а также снижения эффективности действий нападающего (кальмар выпускает чернильное облако, некоторые другие подводные животные – ослепляющую «люминесцентную бомбу», скунс – отвратительно пахнущую струю и т. п.).

Таким образом, уже в животном мире можно найти предмет интереса и негативной комплекологии, изучающей создание трудностей с деструктивными целями, и позитивной, изучающей создание трудностей с конструктивными целями.

Отдельный вопрос – могут ли животные создавать и использовать такие «пробы трудностями», которые преследуют конструктивную цель помощи тому, чей статус диагностируется испытанием? Иными словами, можно ли в поведении животных найти предпосылки того, что в человеческом взаимодействии трансформируется: а) в так называемые нагрузочные пробы в медицинской диагностике – физически тяжелые для пациента испытания, организуемые врачом с целью подбора последующего лечения болезни (например, велоэргометрическая проба – интенсивные испытания на велоэргометре при болезни сердца; сахарная проба – разовый прием большого количества сахара натощак при диагностике некоторых заболеваний и т. д.;

⁵ Вероятно, первоначально эти действия инстинктивны в своей основе и выполняют функцию непосредственной порчи подозрительной пищи. Но у животных с развитой психикой такие действия начинают выполнять не только эту практическую функцию порчи, но и более сложную и высокую по уровню сигнальную функцию обозначения объекта, помеченного таким способом, как плохого, негодного.

эти пробы в некоторых случаях могут и ухудшить состояние); б) в исходную диагностику обучаемого перед обучением, осуществляемую с помощью специально подобранных задач и т. д.

Возможно, биологи и зоопсихологи могли бы подсказать, какие ситуации взаимодействия животных можно было бы трактовать как предпосылки такой деятельности, «опробующей трудностями» с целью последующей помощи тому, кого опробовали. Мы не смогли их обнаружить.⁶ Представляется обоснованным следующее предположение: здесь проходит один из водоразделов между животными и человеком, и *данную сложную диагностическую деятельность – организацию трудных испытаний для последующей помощи – способен планировать и осуществлять только человек, причем начиная лишь с определенных этапов развития культуры.*

⁶ А. В. Марков, автор книги «Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы» (М.: Астрель, 2012) на мой запрос ответил следующее: «Видимо, один из очень немногих примеров создания диагностирующих трудностей у животных с целью последующей “помощи” относится к “помощи в воспроизводстве”. Это ситуации, когда особи одного пола (обычно самки) создают разнообразные “диагностирующие трудности” и испытания особям другого пола, чтобы выбрать брачного партнера». Вопрос в том, можно ли считать это поведение одним из переходных мостиков к деятельности человека по тестированию нового ученика задачами разной трудности, чтобы лучше его учить; нагрузочных медицинских проб, чтобы лучше лечить, и т. п. – аналогов этих форм поведения у животных нет.

5. Деструктивные трудности в человеческой деятельности

5.1. Цели создания

Целями создания деструктивных трудностей является нанесение того или иного ущерба. В системе более общих установок субъекта, создающего деструктивные трудности, последние могут быть выражением «злокачественной агрессии», по Э. Фромму, или «бескорыстного зла», по С. Лему,⁷ а также психологически более понятного эгоизма, связанного с извлечением пользы для себя. Но создание деструктивных трудностей может быть выражением и альтруистических установок – альтруизм здесь проявляется по отношению к третьей стороне, нуждающейся в защите.

⁷ Он использовал понятие бескорыстного зла, анализируя ситуации, в которых одни люди по своей инициативе наносят ущерб другим людям (вплоть до их массовых убийств), не получая от этого никакой выгоды или даже неся некоторый ущерб (причем речь не идет о садистском удовольствии, получение которого можно было бы считать эгоистической, корыстной целью). С. Лем считал, что недооцененное и малоизученное стремление творить бескорыстное зло играет важную роль как в человеческих отношениях, так и в развитии цивилизации [Лем, 2002].

5.2. Эгоистическое создание трудностей

Убийство невинного с целью последующего грабежа – деяние, однозначно осуждаемое в сколько-нибудь развитых этических традициях. То же относится к кражам. Помимо этих и других аморальных деяний, рассматриваемых современным законодательством как преступления против личности и собственности человека, разные люди совершают немало эгоистических поступков, направленных на создание трудностей для другого, хотя и не наказуемых юридически. Приведем пример из книги Д. Дернера. «Я размышляю о факультетском собрании, тема которого (речь шла о распределении помещений) вызвала горячую схватку. Коллега А несколько жестко, почти оскорбительно, прошелся по поводу коллеги В. На это крайне резко возразил С, дружащий с В, нагрубив А. Внезапно «логика» происшествия проявилась для меня. А несколько грубо обошелся с В, после чего С оскорбил А. Это произвело удручающее впечатление на других участников собрания. С выглядел сверхагрессивным, в итоге – неприятным. В результате шансы С провести свое слабо обоснованное предложение резко снизились. Это могло бы удалиться только при благосклонности большинства, но она была разрушена самим С. Предложение С, однако, шло вразрез с интересами А! При известной склонности С к бурным реакциям, тонко организованная и продуманная маленькая стратегическая диверсия А очень элегантно достигла своей цели! Описанное происшествие подчинено определенному, хорошо известному образцу дискуссионной стратегии (“Разозли своего противника, тогда он совершит что-нибудь необдуманное!”)» [Дернер, 1997, с. 124–125].

Между ситуациями «элегантной диверсии» против проекта коллеги на факультетском собрании, с одной стороны, и реальными диверсиями и террористическими актами с человеческими жертвами, с другой, располагается множество других, характеризующихся разной степенью напряженности, разным масштабом ущерба и разными нравственными оценками, которые им даются. В целом следует согласиться с М. Хаузером, что чем меньше ущерб и чем более опосредованным является эффект от преднамеренного действия субъекта по нанесению ущерба, тем в меньшей степени это действие рассматривается как нравственно неприемлемое [Хаузер, 2008]. Так, Дернер справедливо пишет об «элегантности» описанной им диверсии: ее трудно и отследить, и однозначно осудить в отличие, скажем, от ситуации более непосредственной диверсии, которая нанесла бы больший, пусть и ненамного, ущерб (например, «нечаянное» заливание чернилами распечатанного проекта так, что на этом решающем заседании его невозможно было бы рассматривать), или тем более – от ситуации рейдерского захвата с похищением документов по проекту, а также одновременно и похищением ребенка коллеги С (если бы речь шла о важном, коммерчески выгодном проекте).

Нередко трудности создаются с эгоистическими целями для доказательства своей важности, чтобы затем субъект, сам же их и создавший, публично их преодолел бы, демонстрируя при этом другим людям свои ценные (бесценные) качества: героизм, преданность, хладнокровие, высокий профессионализм и т. п. Это делается, чтобы повысить свой статус и влияние на тех, для кого трудности созданы. Один из наиболее известных фольклорных примеров – народная сказка, в которой выгнанный из дома пес и живущий в лесу волк договариваются, что волк «похитит» хозяйского ребенка на глазах родителей, а пес его от волка «спасет» (популярнейший мультфильм «Жил-был пес», 1982, реж. Эдуард Назаров). Несмотря на комичность описанной сказочной ситуации, такого типа случаи, причем уже далеко не смешные, бывают в реальной жизни. Как пишет Р. Келлер, врач может объявить человеку о его якобы имеющейся серьезной болезни, чтобы потом от нее «успешно вылечить». Программист компании скрытно вызывает сбой работы ее компьютеров, выглядящий для всех фатальным, а затем все налаживает. Руководитель финансового отдела, потрясая документами, пугает администрацию нависшей угрозой огромных денежных потерь, а затем «находит» решение, позволяющее в этой

«трудной ситуации» еще и получить прибыль, и т. д. [Keller, 2008]. Более часто этим грешат сотрудники, которым надо быстро укрепить свой статус, например, новички, или же, наоборот, давно работающие сотрудники, которым грозит понижение или увольнение (аналогия с выго-няемым псом очевидна).

Крайним проявлением стремления доказать другим свою важность является так назы-ваемый геростратизм – «тенденция некоторых психопатических личностей причинять несча-стья окружающим, чтобы показать свою значимость» (термин происходит от имени Герострата, сжегшего храм Артемиды в Эфесе, чтобы прославить, обессмертить себя в истории) [Блейхер, Крук].

Поскольку практически любое техническое орудие, технология, общественное явление или процесс может быть использовано кем-то как во благо, так и во зло, по мере развития компьютерных технологий появляются воры-кардеры, похищающие данные чужих банков-ских карт и снимающие с этих карт деньги, по мере развития патентного права – «патентные тролли», наживающиеся на предъявлении патентных исков с помощью искусственно создан-ных патентных ловушек, по мере развития корпоративного права – гринмейлеры⁸ и т. д. При этом некоторый нравственный прогресс все-таки имеется: следует согласиться с А. П. Назаре-тяном, что физическое насилие по мере развития цивилизации применяется все в меньшей степени [Назаретян, 2010].

⁸ О гринмейле следует сказать особо – это очень яркий пример искусного создания трудностей с целью извлечения выгоды. Гринмейл – «вид интеллектоемкого силового предпринимательства», основанный на том, что «искушенные в корпоративном праве юристы, приобретя незначительное число акций, начинают блокировать работу компании, заваливая суды различными исками к ней по различным вопросам» и «добиваются обратного выкупа у них акций по цене, намного превышающей рыноч-ную» [Чепуренко, 2007, с. 94]. (Подробнее о разных видах силового предпринимательства, его социальной базе и этапах раз-вития в России см.: [Волков, 2005].)

5.3. Альтер-альтруистическое создание трудностей

Отдельно необходимо остановиться на деструктивных трудностях, создаваемых тем субъектам, которые сами создают деструктивные трудности другим. Враждебные намерения и действия, угрожающие или наносящие ущерб другим – беззащитным и невиновным, считаются одной из самых обоснованных причин создания деструктивных трудностей. Как пишет Р. Г. Апресян, сопротивление злу может принимать формы «чинения всяческих организационных и физических препятствий, силового ограничения и подавления. При этом сопротивляющийся злу должен понимать всю меру принимаемой на себя ответственности и, следовательно, быть готовым ответить перед другими, обществом или законом, если предпринятые усилия по сопротивлению оказались отрицательно несоразмерными, т. е. чрезмерными» [Апресян, 2010, с. 150].

Остановимся на острых (драматических, трагических) ситуациях, когда между двумя субъектами имеется неустранимый конфликт интересов, и третий субъект ставит целью помощь одному из них, противодействуя другому, в пределе – вплоть до физического уничтожения последнего.

Здесь мы считаем необходимым обратиться к понятиям альтруизма и альтруистической помощи. С нашей точки зрения, в традиционном понимании альтруизма как бескорыстной помощи другому не дифференцированы представления о двух существенно различающихся типах неэгоистических установок и поведения. Один тип предполагает общую гуманистическую установку помогать другим без специальной дифференциации этих других. Второй тип, который мы обобщенно назвали *альтернативным альтруизмом*, предполагает, что субъект, игнорируя собственные интересы, помогает другому, но особым образом: наносит ущерб его соперникам, ущемляя их интересы [Поддьяков, 2007а; 2010]. Защита родины, борьба с терроризмом, преступностью, самоотверженная защита другого человека от чужой нефизической и физической агрессии и т. п. – примеры такой деятельности. Здесь тоже работает установка, выражающаяся в готовности приносить жертвы в пользу ближних, однако в число этих жертв включается не только сам субъект, но и другие, отличающиеся от ближних и противостоящие им. Такие ситуации мало подходят под описание традиционно понимаемого альтруизма общей гуманистической направленности (сдача крови, спасение утопающего и т. д.). Если эгоизм – «человечность по отношению к себе за счет бесчеловечности по отношению к другому», альтруизм – «человечность по отношению к другому за счет бесчеловечности по отношению к себе» [Суворов, 1996, с. 11], то альтер-альтруизм – «человечность по отношению к одним за счет бесчеловечности по отношению к другим и к себе» [Поддьяков, 2007а]. Управление трудностями здесь выступает как создание трудностей одному субъекту, чтобы спасти другого, попавшего в трудное положение.

Прежде всего это альтруистическая агрессия: «агрессия, выполняющая функцию защиты других» [Агрессия альтруистическая]. К ней относится защита детеныша матерью от хищника, самоотверженная защита другого человека от чужой физической агрессии с нанесением ущерба нападающему и т. д.

В настоящее время в журналах «Science», «Nature», «Psychological Science» активно обсуждается проблема так называемого парохияльного («местнического») альтруизма и его роль в формировании религиозного фанатизма и поведения террористов-смертников: «люди жертвуют собой во имя того, что они считают благом для “своих” (альтруизм), причем “благая цель” достигается путем уничтожения чужаков (парохиялизм)» ([Марков, 2009]; см. также: [Bernhard et al., 2006; Choi, Bowles, 2007; Ginges et al., 2009]). Парохияльный альтруизм – один из наиболее ярких примеров альтернативного альтруизма.

Особый подтип альтер-альтруистического создания трудностей образуют ситуации, которые связаны с вынужденной дифференциацией «своих»: помощью одним за счет трудностей для других вследствие драматической ограниченности ресурсов. Семейные деньги, предназначенные для оплаты образования одного ребенка, родители могут отдать на лечение второго в случае неожиданно возникшей необходимости. Значительно трагичнее ситуации, когда во время голода мать отдает часть пайка одного ребенка другому, повышая его шансы выжить и одновременно снижая шансы ребенка, потеря которого уже выглядит неизбежной. Это трагическое альтернативно-альтруистическое решение – человечность по отношению к одному за счет бесчеловечности по отношению к другому. С традиционно понимаемым альтруизмом оно имеет мало сходства, скорее, оно ему противоположно.

Женщина, ребенком пережившая Великую Отечественную войну, описывает следующую ситуацию, окончившуюся благополучно для нее и ее семьи (но не для многих других участников). В 1941 г. она, тогда восьмилетняя девочка, ее трехлетняя сестра и их мать отправились в эвакуацию в составе каравана судов. Женщина помнит, что во время начавшегося расстрела каравана немецкими самолетами было потоплено впереди идущее судно. Еще она запомнила кровавые следы от ногтей на ладонях своей матери – та очень сильно сжимала руки во время бомбежки. К счастью, их судно уцелело. Значительно позднее мать рассказала своим уже взрослым дочерям, что увидев гибель кораблей, она начала мучительно просчитывать, кого из девочек – младшую или старшую – спасать, если их судно начнет тонуть, поскольку обоих детей она бы не вытянула. Иначе говоря, она взялась планировать трагическое альтер-альтруистическое решение.

Взгляд на действия своих и чужих альтер-альтруистов часто противоположен, и это естественно.

Так, выжившая участница этой ситуации говорит, что несколько лет назад она с особым чувством смотрела телевизионный репортаж: немецкий писатель написал литературное произведение большой художественной и обличительной силы, посвященное самому известному нападению советской подводной лодки С-13 под командованием А. И. Маринеско на крупнейший немецкий лайнер «Вильгельм Густлофф». Лайнер эвакуировал офицеров – цвет военного флота рейха, их жен и детей в конце войны. Эту книгу она не читала и с видимой отстраненностью говорит, что не берется судить, насколько верны комментарии журналистов о том, что писатель обличает действия капитана подводной лодки. В любом случае смерть этих детей ужасна, это правда, здесь нет слов. Она и ее семья знает, что значит попасть под обстрел на корабле. Но, возможно, ситуация с немецкими детьми сложилась бы иначе, если бы коллеги этих офицеров, а может, и они сами несколькими годами раньше не уничтожали суда с чужими детьми. И добавим: если бы в 1941 г. не был потоплен теплоход «Армения» с тысячами советских беженцев на борту, если бы бесчисленное количество детей не были в ходе развязанной войны убиты осознанно и целенаправленно: расстреляны, задушены газом, сожжены живьем во имя целей корыстного и бескорыстного зла.

Обратимся здесь к другому литературному произведению с описанием событий того периода. Заместитель коменданта концлагеря в романе С. Лема «Осмотр на месте», имевший среди прочего хобби выбирать из заключенных тех, у кого кожа на спине лучше подходит для прижизненной татуировки и последующего снятия с трупа, узнав о смерти своих собственных жены и детей под бомбежкой, впадает в отчаяние: «O Gott, O Gott, – повторял он, – и за что на меня свалилось такое несчастье?!» [Лем, 1990, с. 244].

Печально, когда часть общества, и не только немецкого времен Второй мировой войны, словно не знает ответов на такого рода вопросы, хотя они во многом связаны с действиями своих же альтер-альтруистов.

Отдельного рассмотрения заслуживает роль «третьего судьи», или профессионального спасателя, принимающего решение, чьи интересы нужно ущемить ради интересов других

субъектов в такой ситуации, когда ущерб кому-то из участников объективно неизбежен при любом решении (и при его избегании!), а любое добросовестное решение может состоять лишь в минимизации потерь при «выборе меньшего зла».

При этом ни судьи, ни спасатели:

а) не дифференцируют участников в отношении их права на спасение (предполагается, что все участники ситуации имеют равные права, но права всех участников невозможно реализовать в силу ограниченности ресурсов спасения);

б) не связаны какими-либо личными предпочтениями и симпатиями (в отличие, например, от матери, принимающей решение, кого из детей спасти);

в) не вовлечены (в отличие, например, от командира отряда) в совместную деятельность с теми, относительно кого они принимают решение;

г) не могут облегчить себе трагический выбор присоединением к потерпевшему субъекту или группе, поскольку обязаны продолжать исполнение своих социальных функций по спасению (или принятию решений).

Единственное, что они могут – выбрать меньшее зло по отношению к невиновным и, вообще говоря, равноправным субъектам. При этом, как подчеркивает А. В. Прокофьев, специально анализирующий эту проблему, сама формула «выбор меньшего зла» указывает на совершенно специфическую логику принятия решений, которая в рамках морального сознания является спорной, а если спор разрешается в пользу ее допустимости, то трагической» [Прокофьев, 2009, с. 122]. В качестве примера можно привести ситуации, когда врачам в больницах надо решать, в кого из пациентов вкладывать имеющиеся ограниченные средства, а кого – оставить; считать ли, что органы умирающего с бьющимся сердцем уже могут быть извлечены и использованы для спасения других людей и т. д. [Хаузер, 2008]. Как пишет А. В. Прокофьев, ситуации, когда ущерб, причиняемый кому-то, оказывается средством предотвращения ущерба множеству других людей, крайне неоднозначны и предельно сложны для абсолютного большинства этических традиций [Прокофьев, 2009, с. 127].

Для изучения психологических механизмов, лежащих в основе принятия «третейских» решений о принесении в жертву меньшего числа людей ради спасения большего, М. Хаузер разработал Тест нравственного сознания (The Moral Sense Test).⁹ Это батарея нравственных дилемм типа: можно ли перевести стрелку, чтобы неуправляемый трамвай, который без перевода стрелки задавит пять человек, убил бы только одного – идущего по другой ветке? В этих заданиях М. Хаузер систематически варьирует условия ситуаций, описываемых в дилеммах, чтобы выяснить, на какие объективные факторы ориентируется человек при принятии соответствующих ситуаций и как дает им субъективную оценку.

Д. Канеман и А. Тверски показали, что принятие решения о спасении одних людей ценой жизни других осложняется не только объективной структурой ситуации и особенностями понимания нравственных императивов разными людьми, но и тем, как сформулирована задача, в каких терминах описана *объективно одна и та же ситуация*. Д. Канеман и А. Тверски разработали экспериментальные задачи для изучения влияния формулировок задачи на принимаемые решения (framing effect) [Канеман, Тверски, 2003]. Одна из таких задач (Азиатская болезнь) имеет прямое отношение к теме альтер-альтруизма и чисто субъективным факторам выбора того, что считать меньшим злом. Испытуемому предлагается представить себя президентом страны, в которой вспыхнула эпидемия неизвестной болезни. От нее могут умереть 600 человек. Если принять программу борьбы А, будут спасены 200 жизней; если принять программу В, существует один шанс из трех, что все 600 человек будут спасены, и два шанса

⁹ Другой вариант перевода на русский язык оригинального названия – Тест морального чувства. В настоящее время разработана и русскоязычная версия теста. Это совместный проект Лаборатории когнитивной эволюции при Гарвардском университете (М. Хаузер) и Института психологии РАН; результаты описаны в работе Арутюнова, Знакова и Александрова [2012].

из трех, что спасти не удастся никого. Результаты показывают, что большинство испытуемых выбирает программу *A*.

В другой группе испытуемых говорится, что если принять программу *C*, умрут 400 человек; если принять программу *D*, существует один шанс из трех, что не умрет никто, и два шанса из трех, что умрут все 600 человек. В этой группе большинство испытуемых выбирает программу *D*. Но можно видеть, что с математической точки зрения программа *A* абсолютно идентична *C*, а *B* идентична *D*. К разным же выборам того, чьи жизни спасать и ценой чьих жизней, ведут просто формулировки либо в терминах числа спасенных жизней, либо в терминах потерь, заставляющие шархаться от одного решения к другому. Печально, что такая ситуативная вариативность относится к решению сущностных вопросов.

Анализ нравственных дилемм, возникающих при помощи и спасении одних людей ценой жизни других в ситуациях реалистических, а также фантастических, описания которых используют лишь в экспериментах на принятие решения (например, «Нужно ли застрелить одного невинного человека, если это единственный способ спасти 20 других невинных людей?», «Прилетевшие марсиане говорят вам, что уничтожат Землю, если вы не будете пытаться маленького ребенка. Должны ли вы его пытаться?») дают также К. Санстейн [Sunstein, 2003] и др. Заметим, что вроде бы фантастическая ситуация с марсианами имеет реальные прототипы в человеческой истории: в нацистских концлагерях; во время казней, когда Петр I требовал, чтобы головы осужденным рубили непременно их родственники, и отказ сулил неприятности не только им, но и их семьям и т. д.

Альтер-альтруизм имеет прямое отношение и к повседневной жизни, связанной с экономикой и социальной политикой распределения ограниченных общественных благ, оказания предпочтений тем или иным группам за счет ущемления интересов других. Здесь можно анализировать множество примеров, но мы остановимся лишь на одном и упомянем актуальную тему увеличения средней продолжительности жизни населения. Как показано в некоторых экономических исследованиях, разные группы населения неоднородны в отношении того, сколько средств необходимо для продления их жизни: в одной группе определенный объем вложенных средств приводит к большему росту средней продолжительности жизни, чем в другой, где поднимать продолжительность трудно. Чиновник, опирающийся на формальный критерий среднего удлинения жизни по всей популяции, имеет большой соблазн вкладывать в поддержку второй группы значительно меньше средств (если вкладывать вообще, можно пообещать самому себе и другим заняться ею позднее). Прямой корысти, эгоизма здесь нет в случае искреннего убеждения, что это оптимальное решение. Не совсем ясно, правда, как должны себя чувствовать те, кому отказали в мерах по продлению жизни.

Вопросы, возникающие при реализации альтер-альтруистических решений, закономерно ведут к одному экзистенциальному вопросу о цене счастья, поставленному Ф. М. Достоевским: можно ли построить счастье мира на слезе одного ребенка. Отвечая на этот вопрос отрицательно, приходится тем не менее признать, что альтер-альтруистические решения неизбежны в ряде областей и ситуаций: хотя счастье мира на основе этих решений не построишь, но людей спасать таким образом приходится. Альтер-альтруистическая деятельность весьма сложна по структуре и исполнению, поскольку требует одновременного учета целей, интересов, стратегий многих людей в позитивном и негативном аспектах (в позитивном – помочь, в негативном – помешать), а также высокой компетентности во многих предметных областях. Для минимизации ущерба – и физического, и нравственного – здесь недостаточно изошренного ума, нужна мудрость. По Ф. Искандеру, «мудрость обязательно сопрягает разрешение данной жизненной задачи с другими жизненными задачами, находящимися с этой задачей в обозримой связи; умное решение может быть и безнравственным; мудрое – не может быть безнравственным; мудрость – это ум, настоящий на совести» [Искандер].

Неоднозначное положение между эгоистическим и альтер-альтруистическим созданием трудностей занимают забастовки и другие действия, связанные с частичным или полным отказом от выполнения своих обязанностей. Вероятно, можно лишь сказать, что в ряде случаев у забастовщиков действительно есть совершенно справедливые основания создавать трудности для тех или иных субъектов путем отказа выполнять свои обычные обязанности по отношению к этим субъектам, а в ряде случаев – нет; здесь необходим анализ конкретной области профессиональной деятельности и ситуации. (В случае, если забастовки официально запрещены, например, пожарным, полицейским, учителям в некоторых странах, все равно используются не объявляемые официально, но от этого ничуть не менее демонстративные и действенные забастовки: участники по взаимной договоренности одновременно, в массовом порядке заявляют, что их «свалил грипп», и они не могут выйти на работу и т. п.)

Подчеркнем, что от забастовки как демонстративного отказа выполнять свою деятельность следует отличать демонстративные акции, направленные на непосредственные помехи жизнедеятельности других ни в чем не виновных людей. Это, например, акции по перекрытию дорог теми или иными группами недовольных граждан (обманутыми вкладчиками, дольщиками и т. п.). Различие между забастовками и инициативным перекрытием дорог (мостов, воды, кислорода и т. д.), видимо, не вполне очевидно. Так, в одной из телепередач ее ведущий сочувственно отнесся к перекрытию дорог очередной группой обманутых мошенниками граждан (подчеркнем – действительно обманутых и действительно мошенниками). Он сказал, что в России к участникам таких акций относятся плохо (могут и побить), а в европейских странах население не мешает бастующим. (Как раз тогда проходила европейская забастовка железнодорожников, причем без каких-либо помех со стороны остального населения и даже без сколько-нибудь громких проклятий.)

Мне кажется, здесь не проведено различие между:

- демонстративным *отказом* забастовщиков выполнять свою профессиональную деятельность («смотрите, без нас и без нашей работы вам стало неудобно и плохо, и так будет, пока мы не вернемся; а вот когда вернемся, вам снова станет удобно и хорошо»);

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.